

УДК 008:271.2 (575.2) (04)

“ПРАВОСЛАВНЫЙ САМИЗДАТ” В КИРГИЗИИ

Е.Е. Озмитель – докторант

Article Orthodox samizdat by Ms E. Ozmitel is devoted to the texts of marginal areas of Russian spiritual culture in Kirghizstan. The article states the urgency of widening of historical and culturological studies, requirement of interdisciplinary approach to the study of religious ideas and daily religious practice.

Исследуя историю православной культуры, мы обнаруживаем, что проблемы ее не вполне совпадают с проблемами церковной истории. Православная культура шире, чем культура собственно церковная. Например, явления, подобные предмету нашего исследования, не уместаются в церковную проблематику. И сегодня Церковь отмежевывается от многих текстов, функционирующих среди ее членов, как в древности богословы отмежевывались от апокрифов. Об этом свидетельствуют слова патриарха Алексия II: “К сожалению, несмотря на наши предупреждения, в ряде храмов по-прежнему продается литература, носящая неправославный характер, несущая суеверия” [1: 29]. Неправославный характер текстов, о которых говорится в этой цитате, не делает их, тем не менее, явлением нерелигиозной или какой-либо инославной культуры. Точно так же неканонические сочинения “православного самиздата” не перестают быть продуктом среды их породившей, т.е. продуктом именно православной культуры. Сами эти неуставные тексты появились в большом количестве в связи с теми трудностями, которые переживала Русская Православная Церковь в Советском Союзе.

Религиозное сознание в Советском Союзе было, несомненно, инакомыслием. Религия, хоть и терпелась властями, но пропаганда и распространение ее официальными средствами не допускались и резко ограничивались – верующие вынуждены были переходить на

самообеспечение. Именно поэтому православные верующие в Советском Союзе в большом количестве переписывали и распространяли рукописные религиозные тексты. Мы назвали этот феномен “православным самиздатом” по аналогии с дессидентским “самиздатом”.

Исследовать специфику православных самиздатовских текстов нас подтолкнуло собрание рукописных произведений из библиотеки Воскресенского Собора г. Бишкек. Хозяйка этой большой коллекции (15 общих и 30 тонких ученических тетрадей) была очень религиозной женщиной. В течение пятидесяти лет она аккуратно переписывала, собирала и распространяла разнообразные тексты, связанные с церковной и околоцерковной жизнью. В итоге получилась коллекция, представляющая и культурологический, и лингвокультурологический, и религиоведческий, и этнографический интерес.

Многие из этих текстов еще не опубликованы и не изучены – их необходимо ввести в научный оборот. Коллекция “православного самиздата” свидетельствует о духовной жизни славянских народов Киргизии в годы советской власти и как феномен культуры, о котором в научной литературе ничего не известно, должна быть зафиксирована и описана. Эту скромную цель мы и ставим в данной статье. Но даже простое описание и классификация по жанрам этих текстов подводит к выводам историко-культурного и культурологического характера.

Разнородность, многообразие текстов, написанных на разных языках, и некоторые другие особенности этого собрания натолкнули нас на мысль применить к анализу коллекции модель семиосферы Ю.М. Лотмана. «Семиосфера отличается неоднородностью, заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной переводимости до столь же полной взаимной непереводимости» [2: 253]. Асимметричная структура семиосферы удобно позволяет разместить в ней весь наличный материал, облегчая труд классификации столь разнородного и разноязычного собрания. «Асимметрия проявляется в соотношении: центр семиосферы – ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это – естественный язык данной культуры, ...наряду со структурно-организованными языками, в пространстве семиосферы теснятся частные языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры» [2: 253].

Ядро коллекции, метауровень по Лотману, занимают тексты из Священного Писания и Священного Предания: псалмы царя Давида, несколько цитат из Евангелия, утренние и вечерние молитвы, акафисты, каноны, отдельные молитвы из богослужения, молитвы святым (примерно 2/3 от всего объема). Все – на церковнославянском языке, так как это и есть естественный язык Русской Православной Церкви. Мы не будем на них долго останавливаться, т.к. тексты эти неоднократно публиковались до и после революции. Отметим только, что их наличие в рукописном собрании примечательно как свидетельство полного отсутствия самой минимально необходимой религиозной литературы в годы советской власти в Киргизии. Не только в 50-е гг., но даже и в 90-е гг. XX в. прихожанам православных церквей приходилось переписывать от руки молитвословы, церковные песнопения и другие необходимые для каждого верующего тексты. Содержание таких молитв строго соответствует догматам, а форма – канонам православной церкви, что не всегда можно сказать про другие тексты собрания, которые располагаются в пространстве семиосферы за пределами ее ядра,

как бы концентрическими кругами. Тексты из периферии православной семиосферы мы назвали маргинальными, они нас больше всего и будут интересовать в данной статье.

Ближе всего к центру примыкают проповеди и письма-поучения (авторство чаще всего не указывается). Такие рукописные духовные наставления заменяли устную проповедь, которую в годы советской власти жестко ограничивали действия уполномоченных Совета по делам религии, стремившихся в любом публичном выступлении священнослужителя обнаружить антисоветскую пропаганду и повод для заключения и ссылки. Все эти наставления написаны на русском языке, как и любые проповеди, произносимые в церкви, и содержат всегда актуальные в христианской жизни поучения о посте, молитве, покаянии, об исправлении личных и общественных пороков в русле святоотеческих традиций. Есть здесь наставления монахам, размышления о монашеской жизни. Эти цитаты подписаны: Св. Кассиан Римлянин, Иоанн Златоустый, Св. Георгий Затворник и почему-то Фома Кемпийский. Такие наставления не стареют, всегда актуальны, так как предмет их речи составляет смысл и содержание христианской жизни. Но есть среди проповедей и такие, которые, как правило, не попадают в официальные церковные органы печати. Это – тексты с ярко выраженной напряженной эсхатологической проблематикой, которая особенно сильно проявила себя сразу после революции в годы советской власти, установившей гонение на верующих.

Вот фрагменты из письма игумена Кукши (даты нет): «... время идет к гибели. Сейчас начинает исполняться последняя глава 3 книги пророка Ездры. Катится к нам гибель быстро... О Господи Боже мой, грянут на землю страшные бедствия, огонь, глад, смерть, гибель и пагуба... Не слушайте, когда скажут, что будет мир. Нет, мира не будет, будет война, и тут же начнется страшный голод... И народ будут отправлять на восток, но оттуда назад не вернется ни одной души, все там и погибнут». Далее следуют практические наставления духовным чадам, которые отличаются особенной строгостью, требованием крайних ограничений: «...эти дни Господни,

эти дни дал нам Бог только для покаяния и раскаяния от плотской греховной жизни, это время не для пирогов и свадеб, не для объедения и пьянства – все это мы должны оставить...”. Автор этого послания рассказывает об откровении, полученном от Бога: “... то, что Господь открыл мне, для людей всего мира является тайной, ... всем сердцем благодарю Истинного Бога, что он милосердный возвестил мне о Своем и показал мне все, ... чему надлежит быть вскоре...”. Здесь появляются мотивы, которые не соответствуют нормам метауровня: “О женитьбе и замужестве сейчас не только говорить, но и думать нельзя, это страшный грех, молодым девушкам и юношам в брак вступать не следует”. В церковных канонах нигде нет таких запретов, более того, существует таинство браковенчания, то есть брак благословляется и освящается православной церковью.

Послание неизвестного автора (может быть, игумена Мисаила) тоже не датировано, но, судя по содержанию, написано было в 20-е гг., так как за всеми предсказаниями встает образ обновленчества и экуменизма, которые стали особенно опасны для Церкви в те годы: “Добрые люди, покайтесь... времена наступили последние, скоро будет великий собор под названием святой, но это будет как раз самый нечестивый вселенский собор, на котором соединятся все веры в одну, отменяются святые посты, епископы будут людьми женатыми, монашество уничтожится, и во всей вселенской церкви будет новый стиль... Очень скоро нам туда (в храм – Е.О.) ходить будет нельзя, потому что все изменится. Тогда будут туда гнать, но ходить ни в коем случае туда нельзя”.

Следующий разряд литературных текстов – художественное творчество на темы христианской жизни и евангельской истории. Это – прозаические и поэтические переложения житийной литературы, евангельских событий и притч, назидательные размышления, поэмы. Судя по стилю, большинство из них – дореволюционные, меньшую часть можно отнести к XX в., совсем незначительное число произведений – очень архаично, может быть, XVIII в. Что-то из этого публиковалось – выходили до революции сборники для благочестивого чтения, многие русские профессиональные поэты

писали стихи христианской тематики, в русской поэзии существовал даже жанр молитвы. Что-то сочинялось неизвестными авторами для учебных заведений, для духовного пения. Особенно в южных областях России, в Малороссии, были в ходу эти “канты” и “псалмы”. Написаны все они литературным русским языком, грамотно, поэтому мы относим их к разряду литературных текстов, хотя для хозяйки коллекции и, очевидно, для большинства верующих, произведения эти оставались безымянными, а их авторы – лишенными творческой индивидуальности. В народном сознании произведения эти из области литературного творчества переводилось в область фольклора. С таким феноменом фольклористам приходилось сталкиваться и в XIX, и в XX вв., когда они встречали народных сказителей, исполнявших переложения на тему “Трех мушкетеров” Дюма и других приключенческих романов. Всем также знакомы случаи, когда романы профессиональных поэтов “уходят” в народ, становясь “народной песней”. В нашем случае полное равнодушие к авторству текстов может быть связано с художественными принципами христианской эстетики, не придающей никакого значения понятию творческой индивидуальности, личностному самовыражению художника или поэта.

Самые замечательные тексты в этой группе – баллада “Чудесная лампада”, очень красивые стихотворения “Духовный сад”, “Притча о смоковнице”, “Агница”, повесть “О простеце-пастухе праведном”. Особенно хороши стихотворения-молитвы, поэтические переложения-перепевы известных молитв к Божьей Матери. Они обычно начинаются так же, как общепринятые уставные молитвы (“Мира Заступница...” или “Заступница усердная”), включают в себя цитаты и эпитеты из акафистов Божьей Матери, но написаны они на русском языке, предназначены не для молитвы, и, скорее всего, являются текстом для песенного исполнения. Вот фрагмент одного из лучших стихотворений:

“Дево чудная, пресвятая,/ Помощь скорая
беспомощному,/ Радость чудная безотрадному,
Жезл – для старого и усталого,/ Кров –
для странного беспокровного,/ Дитю сирому,
бесприютному/ Матерь нежная, сердобольная./

Я тебя молю, Пресвятейшую./ Не отринь мольбу, мольбу грешного./ Приклонись ко мне на моление./ Поспеш ко мне на спасение...”.

Это – несколько видоизмененное стихотворение А. Кольцова. Чаще всего очень трудно определить принадлежность подобных произведений к литературному творчеству или фольклору, чтобы сделать это, надо в каждом отдельном случае провести исследовательскую работу – к истокам текста.

Подобные духовные песнопения, псалмы, или “псалмы” (ж.р.), как их называли в XVIII–XIX вв., бытовали до революции в монастырской среде и распространялись среди паломников, в старину – устно, а потом и письменно, некоторые из них публиковались – так фольклор становился литературой, распространяясь несвойственным ему способом. Составитель одного такого сборника, иеромонах Владимир Мусатов, рассказывает, как он собирал тексты этих песен, путешествуя по монастырям, посещая старцев.

“В бытность у таковых многократно слышал я их поющих духовные псалмы, при восторженных чувствах душ их, стремящихся к Богу, и пленялся их старческим пением - отчего иногда со слов их писал на бумаге Духовные псалмы, иногда выпрашивал у них таковые списать, а от некоторых для памяти получал написанные псалмы в дар” [3: 8].

В нашем собрании произведений монастырского фольклора очень много. Кроме молитвенных обращений к Пресвятой Богородице, Спасителю и святым есть еще несколько жанров: песни о монастырях (“Пустыня Саровская”, “Свята Почаевская лавра”, “Обитель св. Николая”, “Святая гора Афон”), канты “плачущих иноков”. Последний жанр, изображающий переживания монаха, оставляющего свой монастырь, представлен наибольшим числом текстов: “Прощай, мать свята обитель, разлучаюсь я с тобой...”, “Гори ясней, моя лампада./ Молись теплей, душа моя./ Я – раб страстей, стенаний ада/ И вечных мук достоин я...”, “Ах ты келья, моя келья...”.

Здесь также трудно отличить литературные произведения от устного народного творчества, но именно плачи иноков, в которых встречаются диалектизмы, просторечная лексика и разговорные обороты, кажутся нам

наиболее фольклорными, тесно примыкая к народным обрядовым плачам и песням. Кроме “монастырских” в коллекции собрано очень много других плачей: надгробные плачи, плачи об умершей матери, плачи души, разлучившейся с телом, плачи грешной души перед смертью. Чаще всего эти скорбные песни именуются в рукописи “Начало” или “Скоро” и начинаются со слова “скоро”: “Вот скоро настанет мой праздник, последний и первый мой пир...”, или: “Я явлюсь к лицу Христову/ За престолом Он сидит./ За грехи мои велики/ На меня Он не глядит./ А по левую, смотрю я./ Искуситель мой стоит/ Все грехи мои тяжелы/ Он в руках своих держит”.

Тексты описанного уровня семиосферы (уровень художественного творчества) при всем своем разнообразии отличаются некими общими свойствами. Язык, на котором они составлены, – русский, литературный и просторечный (за исключением двух украинских песен). Все произведения, большая часть которых – молитвенное обращение к Богу и святым, пронизаны христианскими реалиями, содержат множество цитат и эпитетов из уставных молитв и Священного писания, используют архаическую и церковно-славянскую лексику. Поразительно, что и в литературном, и в народном творчестве жанры одни и те же, что, очевидно, связано с активным взаимодействием профессионального и народного творчества, индифферентностью к авторству в обоих видах, постоянным переходом текстов из разряда устных – в письменные, и наоборот.

В области православного художественного творчества ясно прослеживается тенденция к созданию произведений, параллельных текстам Священного Писания и Священного Предания, как бы к переводу священных текстов метауровня с сакрального церковно-славянского языка на поэтический народный язык. Как отзвук Евангелия возникают народные перепевы с украинизмами: “Я умом ходила в город Вифлеем/ И была в вертепе, видела там в нем./ Что Христос Спаситель Царь Творец и Бог/ Родился у Девы и лежит убог/ У яслях бесслесно/ посреди ягнят./ А над ним Иосиф с Матерью стоят”. Или такое, совершенно былинное по строю, красивое переложение евангельской истории на русское просторечье:

“Ученики мои апостолы,/ Собирайтесь на вечерю/, Последний раз вечерю у вас,/ На страдание иду, на кресте помру...”

Следует сказать и об особенностях функционирования произведений устного народного и литературного творчества в православной среде. До революции в народе их чаще всего распевали паломники, нищие возле монастырей, по дорогам, и на городских улицах, а при советской власти – на территории храма или дома, в близком кругу верующих. Еще совсем недавно, несколько лет назад, нищая старушка пела духовные “псалмы” прямо в центре Бишкека, можно было услышать их и на церковном дворе, и изредка в храме, исполняемые самостоятельно хором из нескольких прихожан.

Согласно церковному уставу, духовные песнопения разрешаются только после окончания службы, чем нередко пользуются клиросы разных храмов Киргизии, исполняя их в любые воскресные дни как, например, в Балыкчи, или на Рождество – колядки.

В частной жизни “уставное” применение их также ограничено, процитируем опять упомянутый выше сборник “Духовные псалмы...”: “в облегчение туги сердца и томления духа, согласно учению ап. Павла, воспевайте в уединенных келиях ваших оные Псалмы в назидание ваше” [3: 9]. В народе эти же псалмы исполнялись хором, на людях и воспринимались в качестве самой молитвы, а не способа “возгревания духа”, как в монастырях. В нашем собрании очень многие поэтические произведения, в которых даже нет и намек на молитвенное обращение к Богу и святым, как бы в качестве постскриптума, дополняются словами “Аллилуйя” или “Господи, помилуй”.

Несколько стихотворений XX в. отличаются от лирических песнопений этой группы ярко выраженным обличительным пафосом. Одно из них, озаглавленное “Признаки кончины мира” – очень длинное (на 32 страницах) рифмованное повествование, которое прерывается прозаическими вставками и цитатами из пророков Исаяи, Ездры, из Евангелия от Матфея. Оно направлено против многообразных людских пороков, содержит предсказания апокалиптических бедствий, пришествия Антихриста и, судя по упомянутым в нем некоторым историческим реалиям, составлено

было в начале XX в., в годы Первой мировой войны.

В этом же контексте воспринимается поэма о бедах, которые постигли Церковь и верующий народ после революции. “...Храмы Божии забыты,/ Их лишили красоты,/ В них все окна перебиты,/ С глав посорваны кресты./ Служба Божия забыта/ И священник заключен...”. Это – проповедь в стихах, проповедь очень экспрессивная, резко обличительная, содержащая апокалиптические мотивы – поэтический аналог посланиям игуменов Кукши и Мисаила.

Несмотря на разницу в функционировании на нормативном и на реальном уровнях, художественные произведения – все-таки еще общецерковное достояние, чего нельзя сказать про разнообразные “видения” и “явления” из рукописного собрания Е. Плutowой. Современная Православная Церковь, не отрицая чудес, в согласии со святоотеческой традицией учит относиться к ним с большой осторожностью, призывает епископов и священников тщательно исследовать характер всех сверхъестественных происшествий, а мирян – не доверять своим чувствам. Но в народе к чудесам нередко относятся с легкой доверчивостью, более того, их ждут и встречают с радостью. “Молитесь в 12 часов ночи, и Господь услышит твоё моление в 1 ночи, ибо тогда бывает небо отверсто”, – гласит одна из записей Плutowой. Вот этого постоянно отверстого неба, с которого с магической неизбежностью исходит чудо, иногда усиленно ищет верующий человек и начинает собирать и предавать известия о разных событиях, вырывающихся из обычного порядка мироустройства.

Среди описанных в нашем собрании есть чудо, признанное не только Церковью, но и советской прессой – “Зоино стояние” в Куйбышеве в 1956 г. 1 января. Реальность остальных трудно установить, передаваемые из уст в уста, они обрели совершенно невероятные черты: “В городе Тамбове было такое знамение в этом 1976 г. Перст руки на небе писала, все кто был, все видели и читали: 1) Победайте зло...” и далее – наставления, всего их десять, среди них есть действительно христианские: “Не нарушайте праздников, творите достойные дела”, но в основном – довольно

туманные заявления: “Зима в народе моем... Явилось решение народу моему судить судом своим”. А в конце – обещание скорого конца света и удивительные подробности: “Небо было в этот день ясное, все движение было прекращено, было писано огненными буквами”. Это видение, особенно любимое составительницей, переписано несколько раз, возможно, она эти копии раздавала. На нескольких тетрадях есть пометки “мое”, “Марии”.

Есть и другие подобные описания чудес: “Явление молитвы в Чудовом монастыре”, “Знамения”, “Чудо в Новом Осколе” и самое замечательное по строю произведение – “Явление в Покровском соборе, г. Львов 1968 г. 28 ноября”.

“Царица небесная стояла посреди храма и говорила человеческим голосом... всему народу, всем начальникам и милиции, и медицине: Молитесь и кайтесь в великих своих грехах, ибо придет час, время очень короткое...”. Стиль этого повествования – неспешный, почти напевный, почти былинный. Это – настоящий народный сказ: “...и при горячей молитве покаяния всех людей, исцелила всех слепых. Они выходили видящими, немые говорящими, безрукие с руками, безногие с ногами, бесноватые и с порчами – все выходили здоровыми и невредимыми, как будто никогда и не болели. Ездили люди по курортам и профессорам со всеми болезнями, и не получили помощи, а Божья Матерь Царица Небесная исцелила всех, при всем народе, при органах власти и милиции, и при начальстве города Львова...” И дальше – постоянное повторение, сказовые инверсии, метонимии, гиперболы: “...приезжали из Киево-Печерской лавры, и из Ленинграда, из Грузии, медицина и духовенство, со всех стран профессора ... И говорила всему народу и властям, и милиции: молитесь, ибо внезапно час придет все погибнете, Все органы власти стали молиться со слезами, каяться во своих грехах, грехах великих...”. Так и вспоминается: “Как во славном городе во Киеве...”.

Во всех этих чудесных видениях – настоятельная просьба-требование верить в истинность события и всем рассказывать: “...это видение истинно правда, передавайте друг другу...”.

Описанные видения по сути приближаются к “святым письмам”, хотя по форме они –

более свободные, разнообразные, по пафосу – более мягкие, не столь ригористичные. Эти письма, которые приносят счастье переписывающим их и несчастье тем, кто их не распространяет, кажется, никогда не попадали в поле зрения ученых. Фигурируют они не только в среде верующих, но и во вполне атеистической среде и являются, конечно, продуктом самой примитивной бытовой магии. Выстраиваемая суеверная “пирамида” – сеть, которая охватывает множество людей, проучаствовавших в бесконечном повторении магического текста с целью сверхчувственного воздействия на реальную действительность.

В нашем собрании – несколько таких писем. Самое примечательное из них – одно, еще дореволюционное. “Один граф имел слугу, которому была присуждена смертная казнь, той пилат не смог совершить своего обязательства, когда граф увидел и спросил ... слуга дает письмо ему с буквами...” Вся сверхъестественная “сила” этого письма – в наборе заглавных букв, которые выглядят примерно так О.З.Н.Ъ. и т.д., и заключают якобы пять чудесных слов Иисуса Христа. Письмо составлено и переписывалось малограмотными людьми и кроме массы ошибок, содержит нелепейшие утверждения: “Иисус Христос сам написал”, “кто этому письму сомневается, тот возьми, привяжи к собаке и стреляй в нее”; дикие угрозы: “кто это письмо имеет и не открывает всем, то он будет проклят крестьянской церковью”. В этих текстах нагнетаются эсхатологические темы. Письмо, “найденное в пещере святой лавры, золотыми буквами написано” от имени Иисуса Христа угрожает: “стану я вас наказывать громом, ветром, огнем, пушу царство на царство...” и далее – безграмотная смесь угроз, обвинений, магических букв, заклинаний, обещаний благополучия...

Другие “святые письма” более соответствуют классической схеме “письма счастья”: перечисление случаев плодотворного копирования писем, обещание разнообразных удач и успехов распространителям письма, и угрозы тем, кто не верит в его силу. Все “святые письма” из нашей коллекции содержат упоминание христианских святых, устойчивые словосочетания из молитв, и, очевидно, их хранительница считала эти письма вполне легаль-

ными, православными, а переписывание их по несколько раз расценивалось как благочестивое занятие, хотя Церковь учит, что занятия магией – это тяжкий грех.

Со "святыми письмами" мы входим уже в следующую группу текстов – "заклинания и заговоры". Название это дано автором статьи, сама хозяйка коллекции именовала их молитвами и не отличала от уставных молитв – в тетрадах они могут следовать друг за другом и вперемешку. Эти маргинальные тексты имеют некоторые признаки христианских, они могут начинаться молитвенным обращением: "Ангел мой хранитель", "Господи, ты Судия небеси и земли...", могут содержать перифраз или цитаты из общецерковных текстов. Но, несмотря на это, православными они не становятся. Упоминания святых здесь бессвязны и бессмысленны: "Бог с тобой, избушка/ До единой щелочки/ По ангелу – в окошко/ В середине – Николай..." или: "Господь идет вперди, ангелы по бокам, звезды по плечам". Содержание их – не в прославлении святости, не в просьбе о помиловании, настроение их – не покаянное, но настойчиво-требовательное: "...дай мне силу Твою, чтобы все враги мои... встали, как столбы, на месте, где их встретит сила твоя".

Особый, очень древний, жанр среди заговоров составляют "Плачи Богородицы", "Сны Богородицы" и близкие к ним "сны", "путешествия в Иерусалим". Зачин у них общий – "Магушка София спала у креста на престоле и видела сон, страшный, престрашный...". Затем следует описание сновидения и обещания в таком роде: "кто эту молитву знает, тот спасен и сохранен от колдуна-колдуницы, от еретика-еретицы". Есть "молитвы" от воров, от болезни, от порчи, от злого языка, от зубов, от тоски и даже против "вострополической язвы". Они представляют собой нелепое смешение самых разнородных мотивов: "На воду, на уголь я встану я, раба Божия, благословлюсь, пойду перекрестюсь... в чисто поле к окияну-моря, у окияна-моря стоит собор, в этом соборе – престол... золотая чаша со святой водой с горячими углями...". "Горячие угли" прямо указывают нам на связь этого текста с кругом антихристианских идей.

Наблюдая смысловые токи, которые идут через весь комплекс текстов, мы замечаем, что

чем дальше от метауровня, тем больше встречается текстов с эсхатологическими мотивами, обещающими скорое пришествие антихриста, содержащими обличительные поучения, резкие выпады против всей современной культуры и угрозы человечеству. Вообще, к периферии – все острее, напряженнее, болезненнее. В маргинальных текстах, на периферии "православной" семиосферы сохраняются архаичные языки дохристианской эпохи, рождаются ереси, расколы, сектантство, которым как раз и свойственно именно такое акцентирование апокалиптических тем. Здесь же происходит активное взаимодействие с иными культурами: с народной, языческой, католической. Здесь – проникновение в пограничную область чуждых православию явлений: магической практики, цитат и знаковых имен из чуждых текстов. Но импульсы из метауровня доходят до границ семиосферы, собственно, они ее и определяют. Все суеверные, магические маргинальные тексты воспринимаются их распространителями как допустимые, заговоры именуются молитвами, колдовство – святыми письмами, повсюду встречаются христианские аппелятивы, упоминания святых и предметов православного богослужения. Это – разрозненные, бессистемные, не затрагивающие существа, но все-таки православные признаки. Лишь два заговора совершенно лишены этих признаков, явно (для нас) обнаруживая свою инородность: "Магушка Ульяна река бежит" и «Месяц-молодец, ты на том свете был?». Эти тексты – уже выход за пределы семиосферы.

Но вернемся напоследок к ее центру. Каноническое, "уставное", ядро, содержащее тексты из Священного писания, – область нормообразующая, структурированная, которая хранит в чистоте и целостности истинное православное учение. Оградой для него является церковно-славянский язык, служащий общецерковным задачам. Ни одного апокрифического текста или неправославной молитвы на церковно-славянском языке в нашем собрании нет. Перевод уставных текстов метауровня на народные языки совершается в маргинальных областях с разной степенью точности. В художественных произведениях – для выражения личных, частных интересов: душевных переживаний, размышлений о смер-

ти, о грехах, о современных исторических событиях. А на периферии семиосферы, в магических текстах, перевод вообще становится невозможным. Некоторые формальные признаки языка метауровня сохраняются и здесь, в этой деструктурированной, пестрой зоне, но они лишь подчеркивают противоречие магических текстов канонам православия.

Как правило, церковное священноначалие и духовно опытные наставники с большой осторожностью относятся к чудесам, видениям и категорически запрещают суеверия и любые занятия магией. «Одна из задач церковной мысли, то есть богословия, – по мнению дьякона А. Кураева, – состоит в сдерживании мифологического творчества народа. Да, православное богословие нужно не только для борьбы с ересями и внецерковными доктринами. Еще оно бывает нужно для борьбы с внутрицерковной, народной “православной” мифологией, то есть с такими верованиями, что создаются мифотворческим инстинктом народа в тех случаях, когда он оказывается не просветляем благодатью и не сдерживаем уздой закона, разума и послушания Церкви» [4].

Очевидно, что “православный самиздат” функционирует без всякого церковного руководства, сообразуясь только с личным вкусом верующих и под действием той стихийной нерациональной силы, которая движет народным сознанием за оградой церковно-славянского языка, церковных канонов и догматов.

Литература

1. Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 16 декабря 1997 г. – М., 1998.
2. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. – СПб., 2000.
3. Благоговейные чувства души, стремящейся к Богу или Духовные псалмы, собранные в назидание христиан от разных богоугодной жизни старцев. – Киев, 1989.
4. *Кураев А.* Второе пришествие апокрифов. Проповедь о “порче” вместо проповеди о Христе // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской епархии Русской Православной Церкви // lib.eparhia-saratov.ru